

Дождавшись, пока Цзян Най отделается от Чжоу-Чжоу, Фань-фань обнаружился в одиночестве с телефоном в руках — малыш о чём-то сосредоточенно бормотал.

Этот крошечный комочек выглядел на редкость серьезно.

Судя по всему, Фэн Чэнъянь что-то ответил на том конце провода: Фань-фань тут же вскочил на ножки, явно довольный, и семенящим шажком подбежал к Цзян Наю, протягивая трубку.

— Папа, тебе звонят.

Цзян Най взглянул на экран в своих руках — вызов уже сбросили.

Ладно, подумаешь. Кому охотно возиться с этим человеком?

Цзян Най вернул телефон на место, снова опустился на диван и, уткнувшись в смартфон, стал прислушиваться к возне двух малышей, шептавшихся неподалеку.

— Отец говорит, что мал-папа покраснел от смущения, а не потому, что заболел.

— А почему тогда? Папа сломался, и его надо починить?

Цзян Най ничего этого не слышал: он сидел на некотором расстоянии, а дети разговаривали быстро, сглатывая окончания и забавно шепелявя.

И правда, почему это не отец покраснел?

Чжоу-Чжоу подумал и решил, что в словах Фань-фаня есть резон: папа такой красивый, он должен нравиться людям даже больше, чем учительница Хуахуа.

Но в какой-то момент Цзян Най поймал себя на мысли, что ведёт себя бесстыдно.

— Это он от стыда!

На душе творился полный кавардак, и он совершенно не представлял, как с этим справиться.

Высокий, статный, интеллигентный и надежный, а главное — с потрясающим голосом, который идеально попадал в самую точку его слабости к красивым тембрам.

Не помня тех лет, какой из него муж Фэн Чэнъяню? Чем это отличается от чувств, добытых обманом?

Ему казалось, будто его поразило острым мечом самой любви, к тому же между ними существовали самые законные узы брака и даже подрастали двое малышей.

Тут Цзян Най вспомнил прозвучавшее в недавнем телефонном разговоре «маленький господин»: голос собеседника, улыбчивый и ленивый, звучал донельзя чарующе — просто бальзам на душу для его слабостей.

Фань-фань решил привести пример:

— Ну как когда учитель Сунь тайком смотрит на учительницу Хуахуа, у него тоже лицо становится красным-прекрасным.

Даже если Фэн Чэнъянь не против, сможет ли он вечно принимать такого Цзян Ная, у которого стерты любые воспоминания о нем самом?

А затем добавил вполголоса:

— Вообще-то мне кажется, что мал-папа даже красивее учительницы Хуахуа, так почему же отец не покраснел?

Услышав это, Чжоу-Чжоу слегка растерялся:

— А?

Мысли Чжоу-Чжоу мгновенно упорхнули от покрасневшего папы к детскому саду, а от учительницы Хуахуа — к отцу, работающему в кабинете.

Главная проблема заключалась в том, что он действительно не мог отыскать в памяти ни единого воспоминания о Фэн Чэнъяне — они словно испарились из головы.

Чжоу-Чжоу озарило:

— А!

Фань-фань вдруг что-то сообразил:

— Мы же не видим отца по телефону, когда он с нами говорит, а вдруг он еще сильнее покраснел, чем папа?

Голоса доносились смутно, и удавалось расслышать разве что слово «отец», так что, судя по всему, речь шла как раз о только что завершившемся звонке.

Значит, лицо отца должно быть еще краснее, чем у учителя Суня.

Если бы не та сцена в день их знакомства, когда Фэн Чэньяннь едва ли не с ума сходил от ярости, он и правда идеально подошел бы под идеал Цзян Ная.

Ладно, хватит ломать голову, надо подумать о другом.

Цзян Най мысленно вздохнул.

Погрузившись в раздумья, он совершенно упустил из виду, что оба ребенка, которые только что тихонько сидели на коврикe, собирая конструктор и шептавшись о чем-то своем, тайком ускользнули в другую сторону.

Из кухни донеслось звяканье — судя по звуку, туда заглянула парочка маленьких мышей. Улыбнувшись, Цзян Най направился туда.

Кухня была для него особенным местом.

Воспоминания детства неизменно крутились вокруг детдомовской кухни: он вечно вился возле бабушек и тетюшек, частенько семенил за ними следом, а иногда ему перепал шкварочки или разваренный до мягкости кусочек капусты.

Больше всего он, конечно, любил Новый год, ведь тогда бабушка Цзян неизменно собирала всех лепить пельмени прямо на кухне.

Чаще всего начинка была самой простой: яйца с зеленым луком, свинина с капустой или свинина с кукурузой, никаких изысканных деликатесов.

Но стоило сварить их в кипятке, с горкой выложить на блюдо, подать с домашним соусом, как ребятишки уплетали всё за обе щеки.

Позже, когда он немного подрос, Цзян Най уже мог встать на скамеечку и помогать варить и готовить на весь приют. Хоть ростом не вышел, а руки были золотые.

Бабушка Цзян часто улыбалась и приговаривала:

— Наш Най-най еще познает свое счастье.

Маленький Цзян Най не понимал этих слов, а бабушка лишь ласково гладила его по волосам, прижимала к себе крошечное тельце и мягко говорила:

— Как бы ни сложилась человеческая жизнь, без трех приемов пищи не обойтись, а у нашего Няя о куске хлеба голова уже не болит.

Позже он съехал наотмашь один, сняв крошечную комнатку в старом районе, где почти не было солнца. Но Цзян Няя больше всего радовало наличие собственной мини-кухни, где можно было без проблем готовить самому.

Подписывая договор аренды, он думал о том, что сможет сам кормить себя трижды в день, и когда из трубы поднимался дымок, казалось, будто он в одиночку создал целый очаг.

Но разве в этом мире всё так просто? Жизнь в одиночку в огромном мегаполисе больше напоминала войну, где ему приходилось мчаться на разные фронты лишь ради того, чтобы выкроить передышку на завтрашний день.

Нельзя останавливаться: стоит замереть — и тебя захлестнет волной, сотрет из памяти.

Симфония кухни под его управлением могла звучать в любом ресторане этого города, но сам он никогда не был главным героем.

Получив честно заработанное, он возвращался в свое временное укрытие.

Если оставалось время, он заглядывал на вечерний рынок по соседству, выискивая завядшие овощи, которые продавцы порой отдавали даром за хорошую улыбку.

Сейчас же он стоял на пороге кухни, наблюдая, как яркое солнце пробивается сквозь большое стекло и падает на до блеска отполированный тесак.

Эта кухня ничем не отличалась от тех, что он видел раньше: посуда в богатых домах всегда подобрана комплектом, идеальна, чиста и сверкает.

Стоило протянуть руку и взять любую утварь, как на самом незаметном месте обнаруживался сдержанный, но роскошный логотип.

Хозяева, может, сроду не стояли у плиты, но шик соблюдали безупречно.

Это был такой же дом богачей: беглого взгляда хватало, чтобы заметить классические линейки знакомых брендов, о которых он раньше и мечтать не смел.

И все же разница была. Раньше он чувствовал себя лишь инструментом, который клиенты брали напрокат, а зарплата едва ли превышала стоимость лежавшего на столе ножа.

Теперь же он стал частью этой семьи, по крайней мере, на словах.

От этой мысли на душе у Цзян Ная стало тепло и радостно.

У огромного холодильника на кухне крутилась парочка близнецов: они как раз откинули нижний ящик морозилки — высота оказалась идеальной для трехлетних малышей.

Правда, дотянуться до того, что лежало в глубине, оказалось трудновато. Чжоу-Чжоу с трудом встал на цыпочки, запустил руку внутрь, пухлые щеки покраснели от натуги, и наконец он победно вытащил крошечную корочку мороженого.

Он протянул добычу ждавшему брату, затем подул на собственные замерзшие пальцы, задвинул ящик на место так ловко, будто никто его и не открывал.

Сделав это, он похлопал себя по груди, облегченно выдохнув, и уставился на заветное лакомство. У обоих карапузов глаза загорелись.

Что будет, если он прямо сейчас выскочит из-за угла и отберет добычу? Не разыграется ли здесь классическая драма со слезами двойняшек, заливающих всю кухню?

Пока он с любопытством представлял возможные последствия, дети уже сжимали в кулачках ложечки, готовясь вскрыть упаковку.

Малыши проделали такой путь, ускользнули от взрослых, с трудом добыли из холодильника заветный секрет и уже собирались насладиться ледяной сладостью, как вдруг сверху опустилась рука и отобрала корочку.

Оба замерли с ложками наготове. В глазах Фань-фаня тут же заблестели слезы, и он поднял взгляд на виновника.

Узнав мал-папу, он тут же шмыгнул носом и сдержал слезы, но уставился в пол, продолжая сжимать в пальцах маленькую ложечку.

Чжоу-Чжоу бросился к нему, вцепившись в штанину, и пустил в ход неведомо где подсмотренный прием: его огромные глазища заискрились так искренне, что сердце любого растаяло бы от умиления, а сам он затащил сладким голосочком:

— Милый папочка, лучший папа на свете, дай крошке попробовать мороженку, ну самую капельку, ну пожалуйста, папочка...

Цзян Най не знал, смеяться ему или плакать от такого напора. Он присел на корточки, притянув к себе и Фань-фаня, который возился с воображаемым грибочком, и терпеливо

пояснил:

— Эту коробочку есть нельзя, от нее животик заболеть может.

Малыши ничего не поняли и решили, что папа просто не хочет делиться — нянечки поступали точно так же, когда отказывались давать им сладости.

Тогда Цзян Най снова распахнул холодильник, заглянул в тот самый ящик и ткнул пальцем в аккуратно разложенное по пакетам мясо:

— Кто это спрятал сюда мороженое? Мороженое и мясо не живут вместе, такое есть больше нельзя.

Фань-фаня испуганно покосился на Чжоу-Чжоу, его мягкие щеки порозовели от растерянности, после чего они переглянулись и с тяжелым сердцем разжали пальцы.

Фань-фаня пробормотал:

— Тогда не будем есть мороженое, папа убери его.

Чжоу-Чжоу тоже кивнул, хотя продолжал жадно пялиться на корочку, не в силах оторвать взгляд, но все же согласился с братом.

И это они называют послушанием? Цзян Най-то думал, что придется еще долго отбиваться.

Скоро обед, да и на улице не жарко, а детские желудки не всегда способны переварить ледяную пищу.

Впрочем, глядя на их такие комичные и жалкие мордашки, Цзян Най и сам смягчился. Подумав, он предложил компромисс:

— Ладно, давайте достанем новую порцию, но каждому достанется ровно по ложечке, договорились?

Не успел он договорить, как перед его носом тут же взметнулись две крошечные ложки.

Улыбнувшись, Цзян Най легонько тукнул каждого по ложечке, поднялся, подошел к маленькому холодильнику у буфета и достал оттуда новую баночку ванильного мороженого, аккуратно сформировав ложкой по шарiku для каждого.

Ложечки были крошечными, шарики — не больше плода мушмулы, но для детей этого было

более чем достаточно.

Важен был сам процесс, а не количество съеденного.

Чжоу-Чжоу зажал свою порцию в ручке и, уже засунув ложку в рот наполовину, вдруг замер и вытащил ее обратно.

Заметив протянутую ему подтаявшую ложечку, Цзян Най озадачено спросил:

— Что такое, Чжоу-Чжоу? Тебе не нравится этот вкус?

Чжоу-Чжоу помотал головой и проговорил крошечным голоском:

— Папе дать.

Ого, не зря говорят, что искренность — это главное оружие.

Разве можно устоять перед заботой столь прелестного малыша?

Цзян Най смог.

Глядя на возвращенную ему ложечку, Чжоу-Чжоу замер с огромными, полными недоумения глазами: папе что, не нравится этот вкус?

Фань-фаня, заметив это, вдруг резко повернулся, подбежал к буфету, распахнул дверцу, выудил оттуда чистую ложку и сунул ее в руку Цзян Наю.

— Возьми эту ложечку, она чистая.

Он решил, что папа брезгует есть после Чжоу-Чжоу.

Чжоу-Чжоу тоже всё понял. Он посмотрел на нетронутое мороженое и испуганно закусил губу.

Отец учил их, что нельзя давать другим то, чем уже воспользовался сам, это невоспитанно, а хорошие дети так никогда не поступают.

Просто он слишком обрадовался и захотел угостить папу ванильным лакомством, совсем забыв про правило, и полез в чашку своей ложкой.

Вдруг папа теперь считает его плохим мальчиком?

<http://bllate.org/book/22066/2294542>